

Глава I
ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА
В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

При диахроническом рассмотрении иерархического построения системы форм существования языка исследователи нередко ограничиваются изучением двучленной оппозиции "диалект - литературный язык". На первый взгляд, это и оправдано, так как на определенном этапе развития конкретного общества, в особенности когда отсутствуют прямые языковые данные и не совсем проанализированы косвенные (высказывания и сообщения о языке, историко-культурное состояние, этнический состав и т. д.), моделирование языковой ситуации вряд ли представляется возможным и необходимым. Однако по мере накопления знаний появляется возможность реконструкции функционального членения языка. Правда, такая реконструкция, как и всякая другая, в отдельных звеньях будет обладать различной степенью достоверности.

В болгароведческих работах вопросы языковой ситуации на разных этапах формирования государства волжско-камских булгар почти не рассматривались, как не рассматривались формы существования языка в различных функциональных стратах и в совокупности. Длительное время на первый план выдвигался этнокультурный аспект в изучении письменных памятников Волжской Булгарии, и анализ строевых элементов лишь одной обособленной группы надписей не позволял вести речь о формах существования языка. Между тем другая группа надписей, исследованию которой посвящена основная часть данной работы, даст возможность построить в дальнейшем обобщенную модель функциональной стратификации.

Из всех известных болгарских надмогильных памятников привлекают внимание тексты двух эпитафий XIV в., сохранившихся на кладбище современного села Иски-Рязяд Куйбышевского р-на ТАССР, ср. их тюркские части: ...Ämbal oŭli Ğävän zıjaräte turur. ...tarıd jeti jüz qırq beşä , gäjäb aĵinıñ üßençe küne erdi '...Амбала сына, Хасана, место погребения. ... по летосчислению в семьсот сорок пятом, раджаба месяца третий день был' и ...Ämbal oŭli Ğävän oŭli haĵi bu välekü kü '... Амбала сына, Хасана, (его) сына хаджи Бу надмогильный памятник это'.

Если исходить из наличия языковых строевых элементов, то можно считать, что в этих текстах, бесспорно, нашли отражение два языка: первый имеет э-признак, а второй, судя по лексемам oŭli 'его сын' ~~бәләкәйне~~ 'его надмогильный памятник', kü 'это', - р-признак. Однако

попытка осмыслить эти признаки как этнические показатели (то есть признать, что один памятник поставлен над кыпчаком, а второй - над болгаром) явно несостоятельна, так как при этом игнорируется специфика эпитафий. Язык исследуемых надмогильных плит не может выступать этническим определителем, каковым обычно принято считать язык. Если в Волжской Булгарии определенное количество памятников имеет тексты на арабском языке, это еще не говорит о том, что они поставлены над умершими арабами (ср. , например, Юсупов 1960, табл. 2, 4, 8, 10). И тому же имена похороненных людей отчетливо указывают на их тюркское происхождение, ср.: Хасан-бек сын Мир-Махмуда, Сабар-элчи дочь Бурашбека, хаджи Хусайн-бек сын Гумер-бека (его предки родом из Туркестана), Фатима-элчи дочь Айуба, сына Мухаммеда, сына Йувуса ал-Булгари. Для сравнения можно привести эпиграфические памятники X-XIII вв. из Дагестана, которые почти полностью выполнены на арабском языке, а на местных языках - лишь единицы (Шихсаидов 1984, 348); из 103 надмогильных кайраков XI-XIX вв. с верховий Зеравшана лишь на 30-ти имеются надписи на таджикском языке, на остальных - арабоязычные (Мухтаров 1978, 16); большинство из 200 арабографичных эпитафий Киргизии написано на арабском языке (Дзумагулов 1982, 59) и т. д.

Несколько эпитафий Волжской Булгарии двуязычны¹, однако они не являются буквальным переводом с одного языка на другой (см., например: Хакимзянов 1978, 158-161). Выходит, эти языки привлечены не с целью объяснения текстового материала. Остается лишь предположить наличие функциональных форм языка, что и нашло отражение в конкретных текстах.

Таким образом, несмотря на то, что надгробия несколько различаются по характеру исполнения, технике письма и структуре надписей, их нельзя считать принадлежащими разным этническим единицам, тем более функциональный язык эпитафий не может служить основой для выводов этнического порядка. В данном рассматриваемом случае прежде всего необходимо учесть одно немаловажное обстоятельство - установление этих памятников над членами одного семейства, точнее - над отцом и сыном: хаджи Бу² является сыном Хасана, похороненного рядом, и над ним поставлен памятник с э-языковой надписью. Имена Анбал и Амбал, учитывая

¹ Здесь имеются в виду двусторонние надписи, то есть самостоятельные тексты на арабском и тюркском языках, а не смешанные, в которых какая-нибудь часть текста выполнена на другом языке.

² Тут несколько иное построение словосочетания: обычно социальный титул стоит после имени собственного, однако имеются и исключения, ср. с булг. хаджа Ахмад, хаджа Байрам, хаджи Хусайн, хаджи Тямти и др. (Хакимзянов 1978, 189) или с неизвестным Хаджи Муратом, героем одноименной повести Л. Н. Толстого.

фонетическую закономерность перехода н > м перед губно-губным свистящим звуком б, тождественны. Такое положение само по себе исключает разноэтническое толкование.

Во время экспедиционной поездки в 1984 г. был зафиксирован текст оригинального болгарского надгробья XIII в. (см. рис. 3), где хвалебная часть вырезана на з-языке, а датирующая часть - на р-языке: Galim-lärqa tärbijät qılqan, zahidlarqa wewgän, mäwžedlägne ıljmaqät qılqan üküñ äjratlıy Mažar qađı (?) oylı İsmayıl zıjaräte bu. ...wafat bol-tı: tarıx žetı žür on bir ža l räžab ađı žırme äkeñi kön äti 'Давшего воспитание ученим, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множества благих дел совершившего Малжар-кази (?) сына, Исмагила, место погребения это. ... скончался: по летосчислению семьсот одиннадцать лет, раджаба месяца двадцать второй день был'. Несмотря на то, что в структурном отношении языки этих двух частей несколько расходятся, они, на наш взгляд, отражают формы существования языка, доступные пониманию волжских болгар. У нас есть основание считать з-язык образцом функциональной наддиалектной формы, существовавшей в Волжской Булгарии.

Ряд исследователей отмечал, что в конце XIII в. волжские болгары-мусульмане, забыв свой язык, приняли новый язык огузо-кыпчакского строя. Основной причиной этого считалось вхождение государства в состав Золотой Орды и возникшие в связи с этим этнолингвистические изменения в самой Волжской Булгарии. Однако при всей значимости золотоордынского периода не это является главным фактором языкового изменения.

Еще в первой четверти X в. секретарем посольства багдадского халифа к царю волжских болгар Ибн-Фадланом было зафиксировано двойное произношение одного и того же гидронима - žauñır и žauñiz. Здесь весьма показательны наличие начального ž, который считается характерным звуком для болгарского языка (также как и для языка определенной части эпиграфических памятников). Как показало исследование А. Берты (1983, 67-68), доказавшие тюркские языки расположены в тех ареалах, где с V в. обитали оногуры-болгары, а затем хазары. Но наличие звука ž выделен особый диалект и в языке приэльбрусских рунических надписей - памятников протоболгарского языка (Байчоров 1977, 27).

Учеными убедительно доказана принадлежность з-языковой формы гидронима к говору какой-то части местного населения, а не среднеазиатских тюрков, сопровождавших Ибн-Фадлана в его поездке (см., например Ковалевский 1954, 19; 1956, 131-144). Если учесть, что местные аборигенные племена не принадлежали к тюркскому миру, остается предполагать пришлый характер и з-язычных племен. Не увязывая элемент з с конкретными племенами, так как современный уровень знаний об этноязыковой истории тюркских племен, входивших в состав Волжской Булгарии, не позволяет делать однозначные сопоставления, следует лишь констатировать наличие тюрков с обычным языком, наряду с теми, у которых имелся соответствующий звук р ³.

Фактический материал, приведенный М. Кашгари в его "Диване"³ в качестве образцов говора жителей городов Булгар и Сувар, который иногда необоснованно отождествляют с болгарским и суварским языками, по существу этнически не маркирован; ср., например, сув. *bal* 'мед' и тат., башк., карайм., кирг., уйг., казах., ккалп., ног., туркм. *бал*, узб. *бол*, тур. *bal*. Чув. *пыл* 'мед'; сув. *tevä* 'верблюд' и тув. *тёве*, чув. *теве*, хак. *тибе*, азерб. *дэвэ*, тур. *deve*, уйг. *төгө*, гаг. *дэвэ*, башк. тат. *дея*, тат. диал. *түвө*, казах., ккалп., ног. *түйе*, кбалк., кумык. *тве*, кирг. *төө*, карайм. *тевя*// *тэвэ*// *дэвэ*// *түйэ* 'верблюд' и т. д. Кроме того, как отмечает М. Кашгари, формы *bal*, *tevä* были характерны для языка не только суваров, но и кыпчаков, огузов, форма *jalciq* 'невольница' свойственна языку суваров, кыпчаков, огузов, *qalaq* 'сливки' — языку булгар и аргу, *lav* 'воск для печати', *kökläv* 'породниться', *avue* 'воск' — языку булгар. Лишь формы *azaq* 'нога' (свойственная языку суваров, булгар, кыпчаков, йемеков, но есть и *abaq*, употребляемая кыпчаками и йемеками), *toz* 'быть сытым' (свойственная суварам, булгарам, йемекам и некоторым кыпчакам) позволяют как-то выделить *z*-признак вместо *j* в середине слов и конце глагольных основ.

Нередко исследователи в качестве образца волжскобулгарского языка указывают на следующее четверостишие, приведенное М. Кашгари (I, 70):

<i>Ätil wıwı aqa turur,</i>	'Текут воды Этиля-реки,
<i>qaja tübi qaqa turur,</i>	Об скалу ударяются.
<i>ballıq tälim baqa turur</i>	Много там рыб и лягушек,
<i>köliüç taqı küñgür</i>	Плавни также заполняются'

Однако оно не связано с конкретной этноязыковой зоной и служит лишь иллюстрацией для названия реки Этиль, поэтому правомерно будет считать его отражением письменного-литературного языка Караханидского государства.

Как известно из исторических источников, некогда суверенное Суварское княжество во второй половине X в. потеряло самостоятельность и подчинилось болгарскому царю (Смирнов 1951, 232; Ковалевский 1954, 48), хотя г. Сувар упоминался арабскими путешественниками до XIV в. В качестве тахаллуса название Сувар присутствует и в надмогильной надписи 1314 г. из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР (см. рис. 4). Язык же жителей Сувара XI в., судя по примерам М. Кашгари,

³ В последнее время вновь стал подниматься вопрос о сувах//сувазах и их языке (см.: Закиев 1984, 161-169; Закиев 1985, 32-49), которые были добулгарскими (?) племенами в Среднем Поволжье. Они не входили в состав настоящих булгар, хотя часть их, после смешения с булгарами, приняла язык последних (Ковалевский 1954, 39, 49-50).

⁴ См. специальное исследование О. Прицака (Pritsak 1959, 106-116) об энциклопедическом труде М. Кашгари.

обнаруживал большое сходство с огузским и кыпчакским языками (см.: ДТС, приложение I; Тенишев 1973, 59-60). Означало ли это то, что сувары говорили на языке общетюркского типа или же М. Кашгари были зафиксированы образцы речи отдельных информаторов-кыпчаков, проживавших в то время в городе (ведь Сувар находился на караванном пути из Средней Азии в г. Булгар) ? К сожалению, сведения о языке суваров не выходят за рамки общих представлений, поэтому у нас нет аргументированных оснований для выводов в этноязыковом направлении. Все же хотелось бы привести мнение автора сводной работы о хазарах Петера Б. Голдена (Golden 1980, 36, 256-259), который квалифицирует язык сабаров (суваров) как обычный тюркский в отличие от языка огузо-тюрк.

Как установлено, М. Кашгари сам в Волжской Булгарии не был и в его примерах из болгарского языка нет элементов, характерных для протоболгарского языка (см.: Fritsак 1959). Хотя можно предположить, что в число его информаторов попали лишь люди из Волжской Булгарии (точнее, г. Булгара) с обычной тюркской речью огузо-кыпчакского типа. Если даже и так, это само по себе доказывает наличие тюрк с языком общетюркского типа, притом не в малом количестве, коль М. Кашгари принимает их язык за образец. Все же общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних надмогильных памятников XIII-XIV вв. с р- и л-элементами позволяют интерпретировать это явление несколько иначе, чем как фиксацию речи кыпчаков.

Общезвестно, что еще в VIII в. Поволжье превратилось в важную составную часть Хазарского каганата - первого государства в Восточной Европе. После упадка каганата главенствующая роль в регионе перешла к Волжской Булгарии, хорошо организованному и экономически развитому государству, которое к концу XII в. достигло своего расцвета. Если в начальный период формирования государства можно было говорить лишь о племенных диалектах, которые, кстати, сами по себе способны выделить какие-либо формы языка, возвышающиеся над повседневной бытовой речью, то в условиях племенных объединений и союзов языковая ситуация принимает усложненные формы. Языковая стратификация Волжской Булгарии в начальный период ее образования была многоплановой ввиду того, что в один союз объединены как родственные, так и неродственные тюркские племена, а также племена с языками иной структуры (финно-угорские и возможно, славянские). Из всех типов и форм языка, возникших в различных социально-политических условиях, в данном случае преобладающе было бы выделить два типа общедно-бытовой речи, имеющих статус наддиалектного образования: это, в первую очередь, узкорегionalное разговорное койнэ (его иногда называют ареальным или же полудиалектом) и более, внетерриториальное койнэ.

Как зафиксировано в исторических источниках, в X в. - в период образования государства - в Волжской Булгарии было два крупных города: Сувар и Булгар. Сувар был племенным центром суваров (сабаров) и считался одним из главных и значимых городов Волжской Булгарии, где в

первой половине X в. чеканились монеты с именами царей Нарс бен Ахмед Сувар, Талиб бен Ахмед, Мумин бен Ахмед (Смирнов 1951, 232). Однако после 976 г. суверенный Сувар потерял политическую самостоятельность и подчинился царю болгар. Теоретически можно предполагать, что в каждом крупном городе ⁵ могла функционировать какая-либо форма языка наддиалектного характера (не считая письменно-литературного). В Суваре существовали определенные условия для образования городского койнэ, ослабляющего родоплеменные связи, на что указывают такие косвенные факты, как распространение ислама (по сведению эль-Балхи, в X в. в Суваре имелась главная мечеть). В домонгольское время город стоял на линии торгового пути из Средней Азии в г. Булгар и был местным центром торговли и ремесленной деятельности. Однако из-за отсутствия фактического языкового материала (не считая зафиксированных у М. Кашгари) лишь с определенной долей вероятности можно вести речь об образовании в Суваре городского койнэ. Кроме того, не выяснена его роль в экономической и политической жизни государства.

Несколько иное положение относительно Булгара: после преодоления сопротивления ряда племен и победы в военных столкновениях с чужеземцами централизованная власть находилась в руках болгарского царя, носившего титул "эльтебер", и в предмонгольский период в Поволжье монетным двором располагала только столица государства г. Булгар (Мухаммадиев 1983, 10). Политический, культурный и экономический статус стольного города предопределил все более выраженную специализацию ремесленников, четче разграниченным становилась классовая прослойка общества. Усиление государственного единства стимулировало стремление и к языковому единству, складывалась официально-деловая форма языка. Косвенные данные позволяют высказать мнение о полиэтническом характере населения города: здесь проживали носители не только разных диалектов, но и разных языков. Следует учесть и то, что принятие ислама вызвало приток духовенства и их приверженцев из Средней Азии, к тому же Булгар был не только политическим, но и торговым центром. Все это привело к образованию койнэ — языка междиалектного общения, который, как показывают примеры М. Кашгари, имел общетюркские черты.

Главным фактором, вызывающим появление койнэ, выступает практическая потребность в нем; койнэ складывается при наличии довольно существенных диалектных различий.

Общетюркский характер койнэ, на наш взгляд, был обусловлен сле-

⁵ Считается доказанным существование в Волжской Булгарии 158 городов (Фахрутдинов 1975, 18). Однако имеющиеся на сегодняшний день о большинстве из них сведения различного характера и различной достоверности не могут служить базой для предположений о каких-либо языковых стратах.

лучшим:

1) наличием в составе болгарского союза племен и таких, которые говорили на э-языке, о чем свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные Ибн-Фадланом, да и сам титул "эльтебер" болгарского царя, известный в тюркском мире с XI в., носили также племенные вожди в тюркском каганате⁶;

2) тесными этнокультурными⁷, торговыми и политическими связями Волжской Булгарии с племенами, говорящими на языке огузо-кыпчакского типа и живущими на сопредельных территориях;

3) проникновением в Волжскую Булгарию с начала XI в. западных кыпчаков (отдельные небольшие группы, видимо, были еще раньше в составе болгарского союза племен), которые занимались ремеслами, торговлей, земледелием и занимались в армии (Димитриев 1984, 35)⁸;

4) прибытием большого числа представителей духовенства и их последователей из Средней Азии после официального принятия болгарями исламской религии. Можно полагать, что духовные руководители занимали высокую ступень в аристократической иерархии общества. Поэтому и их язык в силу своего положения оказывал ощутимое влияние на складывавшееся койне;

5) знакомством населения с литературой на тюркском литературном языке того периода и ее распространением. Нельзя не согласиться с Г. Т. Тагирджановым (Тагирджанов 1979, 46-48) в том, что традиции А. Ясеви и С. Бакиргани на болгарской земле были весьма популярны. Материалы литературных памятников применялись в медресе для обучения грамоте; в результате появился литературный образец на отшлифованном, нормированном языке.

Естественно, не все перечисленные условия, влияющие на характер наддиалектной формы языка, имеют одинаковый вес; не исключена также возможность появления и иных условий, имеющих какое-либо значение в конкретных исторических и историко-культурных ситуациях в выборе необходимого комплекса языковых средств.

⁶ См. также работу О. И. Смирновой (1981, 249-255), которая восстанавливает имя болгарского царя как Эль альмыш (< эль 'страна, народ, государство и т. д.' + ал- 'брат, взять, покорить и т. д.'), где аффикс -мыш указывает на присутствие огузского признака.

⁷ См., например, древнеболгарский социальный титул *älti* 'госпожа, барыня', который имеет кыпчакское происхождение (Ночташ 1894, 53).

⁸ Во время похода русских князей на Великий город (то есть Билляр) в 1183 г. уже на болгарских землях к ним присоединялись "Емяковы половцы" во главе с болгарским князем. Это были йемеки, одно из тюркских племен, входившее ранее в кимако-кыпчакскую федерацию на севере Центральной Азии (см. Савинов 1984, 103-107; Измайлов 1984, 103).

Как правило, образцовым признается язык какой-нибудь местности или же какого-нибудь города (Пауль 1960, 475). Учеными убедительно доказано, что город в жизни страны имеет большое значение. Он выступает очагом ремесленного производства и торговли, культурным и экономическим центром, здесь создаются многообразные условия для развития особой формы обобщенной речи (подробнее см.: Десницкая 1970, 5-8). В этом отношении г. Булгар не составлял исключения (см.: Смирнов 1951), поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно здесь сложилась обобщенная наддиалектная форма языка, так называемый полудиалект, что положило начало процессу диалектной конвергенции. Поскольку мы не располагаем материалами, проливающими свет на характер языковой ситуации в других городах государства волжских булгар, мы исходим из текстов эпитафий XIII-XIV вв. (хотя и осознаем возможность изменения языковой ситуации в связи с миграцией племен, входивших в состав Золотой Орды), которые позволяют предполагать относительную близость языковой основы столь разных в территориальном отношении памятников (см. карту на с.23).

Соотношение указанных выше двух типов койне менялось в процессе исторического развития общества в зависимости от коммуникативных задач. Широко развитая торговля, рост производственных отношений, расцвет многочисленных городов и другие экстралингвистические стимулы практического плана должны были вызвать устранение имеющихся различий между существующими типами обобщенной речи. Считается, что к XII в. в Волжской Булгарии сформировался обобщенный тип речи более высокого порядка - булгарское общенародное койне (Фасеев 1966, 809), которое имело общетюркский характер (Хакимзянов 1978, 22). Встает вопрос о литературном языке этого периода: противопоставлялись ли разные типы языка, каковыми выступают койне и литературный язык, или же письменная форма общенародного койне (хронологически являющаяся более поздним образованием, чем его устная форма) применялась и для осуществления официально-деловых связей.

В определенных исторических условиях, как это было, в частности, на Руси, формирование литературного языка связано с возникновением и расширением практических потребностей государства. Новая форма общественной организации нуждается в специфических языковых формах для осуществления деловых связей внутри страны и вне ее (Типы 1981, 98). Проблемой становления и развития тюркских средневековых литературных языков занимались многие ученые (например, А. Н. Самойлович, А.К.Боровков, В. В. Радлов, С. Е. Малов, Я. Эрман, К. Брокельман, Э. Н.Наджид, Э. Р. Тенишев и др.) и, по мнению большинства из них, в Золотой Орде к тому времени оформился "путем кыпчакизации литературного языка эпохи караханидов в Кашгаре" (Самойлович 1927, 27) тюркский литературный язык. Выходит, он сложился на базе более древнего караханидско-уйгурского литературного языка и местных диалектов. Какого же качества был литературный язык Волжской Булгарии в домонгольское время? Ни-

каких литературных источников, давших ответ на этот вопрос, нам не известно. Считается бесспорным применение арабского языка в качестве языка религии и языка науки: на нем написаны "История Булгарии" болгарского кази Якуба ибн Нугмана (XII в.), труды кази Абу-л-Галла Хамид ибн Идриса ал-Булгари (XII в.), Хасана Булгари (XIII в.), шейха Бурхан ад-Дина ибн Хидр ал-Булгари (XIV в.), шейха Бурхан ад-Дина Ибрахима ибн Юсуфа ал-Булгари (XIV в.), шейха Мухаммада ал-Булгари (XIV в.) и т. д. (Тагирджанов 1970, 50-52; ۷۲-۷۸, ۱۸۱۷ مرخانی)

Бесспорно и то, что в это время в Волжской Булгарии существовал книжно-письменный язык традиционных литературных жанров, нашедших отражение в "Кисса-и Юсуф" Кул Али. Обычно произведения такого характера опираются на хорошо обработанную систему художественных и языковых средств, поэтому они менее подвержены непосредственному воздействию других форм языка и инновациям. Отдельные высказывания о языке этого литературного памятника имеются в работах Э. Н. Наджиба (1976, 74-88), Ф. С. Фасеева (1976, 172), Г. Т. Тагирджанова (Тагирджанов 1979, 98), Н. Ш. Хисамова (1979, 18-21; 1984, 295) и др. Говоря о языковой принадлежности, авторы называют: огузский литературный язык (Э. Н. Наджип) и староосманский (К. Брокельман), огузо-кыпчакский литературный язык (Э. Н. Наджип) и поволжский турки (Дж. Алмаз, Ф. С. Фасеев и др.). Смешанный огузо-кыпчакский характер этого произведения (точнее, его языка) вынуждал некоторых исследователей считать его написанным в Хорезме, однако все среднетюркские литературные языки имеют смешанный характер. По этой же причине иногда основу поволжского турки (поволжского варианта тюркского литературного языка) ищут в регионе проживания огузов и кыпчаков и где, естественно, функционировал литературный язык. По мнению Ф. С. Фасеева (1981, 30), например, поволжский турки является продолжением огузо-кыпчакского койна и соответственного письменного языка фольклорного типа, сложившегося в стенах Хорезма.

К сожалению, "Кисса-и Юсуф" пока не исследован в общелингвистическом плане, а имеющиеся работы об отдельных языковых особенностях или экзотических формах не позволяют представить во всей полноте систему его языка, эволюцию (или сохранение) грамматических категорий в их системных взаимоотношениях и функциональную характеристику. Однако нельзя упускать из виду, что "Кисса-и Юсуф" - поэтическое произведение, написанное высоким стилем, а такие произведения, как правило, бывают в большей степени оторванными от народно-разговорной речи и характеризуются своим искусственным книжно-литературным языком. Ведь поэтический язык складывается на основе отобранных поэтической традицией форм разных диалектов (языков), которые в языке произведений образуют сложное поэтическое единство. Несомненно, данная поэма создана на основе литературно-языковых традиций периода караханидов и, согласно исследованию Н. Ш. Хисамова (1979, 228-229), литературные истоки ее восходят к огузскому и булгаро-татарскому поэтическому творчеству.

Исследователи, признавшие болгарский язык р-языком, в доказательство его трансформации в язык обетюрского типа с з-признаком приводят эпитафии Волжской Булгарии XIII-XIV вв., тем самым они считают их памятниками обиходно-разговорной речи. Однако памятники с двумя типами языка существуют в одно и то же время и обнаруживаются на всей территории Волжской Булгарии, поэтому здесь не может быть и речи о трансформации языка. Необходимо учесть и функциональный аспект, который зачастую не принимается во внимание: эпитафии, как правило, пишутся на "священном" языке (в данном случае, на арабском - языке Корана), на письменном-литературном или языке предков. Последний мог сохраниться в виде клишированных выражений.

Золотоордынский период письменного-литературного языка необходимо изучать с учетом и социально-исторических факторов, которые вызывают изменения в языковой ситуации. После четырехлетнего сопротивления Волжская Булгария была покорена, а важнейшие города - Булгар, Биляр, Сувар, Кернек, Зукотия - были разрушены. Однако Поволжье было выбрано центром громадного государства - улуса Джучи; особое внимание Бату обратил на возрождение городской жизни и торговли, в чем он видел источник доходов (Греков, Якубовский 1950, 61-65). Вторая половина XIII в. стала периодом экономического восстановления Булгарии (Смирнов 1951, 53-54), в Булгаре стали чеканиться монеты хана Бату, что свидетельствует о быстром восстановлении столицы (Мухамадиев 1983, 43). Все это вызвало приток нового населения (мастеров, торговых людей, проповедников мусульманства), в основном, из Средней Азии.

Известно, что в XIII-XIV вв. в низовьях Сырдарьи, на территории Хорезма и Золотой Орды, сложились своеобразные смешанные письменные языки. Это были кыпчакско-огузский литературный язык й-группы и огузо-кыпчакский литературный язык з-группы тюркских языков (Наджип 1965, 88-89), иногда их называют золотоордынско-восточным (з-язык) и золотоордынско-западным или мамелюкско-египетским (й-язык) языками (Баскаков 1970, 15) или же, вслед за восточными источниками, хорезмско-тюркским литературным языком (Тенишев 1979, 84-85).

Исходя из того, что в Среднем Поволжье встречаются относящиеся к нескольким векам историко-литературные памятники с з- и й-языковыми литературными традициями, можно предположить их активное проникновение без приоритета какой-либо традиции. Оказавшись в кыпчакской среде, под влиянием разговорного языка и языка деловых бумаг и документов, распространенного в улусе Джучи, средневековый тюркский литературный язык обогащался кыпчакскими элементами. И все же язык определенной группы эпитахий волжских булгар свидетельствует о сохранении некоторых черт, характерных для более раннего состояния, которое проявляется в диссимильативном написании глухих и звонких при присоединении аффикса - ср. *törtä* 'в четыре', *beşä* 'в пять' (однако имеются и *segizä* 'в семь'), при сочетании сонорных с глухими - ср. *galimlärqa* 'ученим'

ди'минца 'правоверному', tärbiyä qılcaп 'воспитавший'. Такие же особенности были свойственны языку караханидско-уйгурских памятников. Очевидно, формирование стиля эпиграфических надписей шло под существенным влиянием народно-разговорного языка, хотя особый характер и функциональная направленность надмогильных памятников способствовали сохранению старых традиций и "образцов выражений". В этом отношении любопытны надписи на болгарских монетах того периода, которые фиксируют традиционные написания с аффиксом -lıy. Так, на дирхеме 683 г. (то есть 1284 г.) написано قوتلىق بولسۇن! Qotlıy bolsun! 683 'На счастье! 683'. Аналогичный аффикс употреблен и в зиятафиях, ср.: qutlıy 'счастливый' и Qutlıy - имя собственное; в то же время в "Кисекбаш китабы" (XIV в.) применены qutlu 'счастливый', kōgkī 'красивый', но есть и ılıy 'большой' (Ахметгалеева 1979, 107).